

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

История России в XX веке явила собой конгломерат огромных по масштабу и воздействию на мировую историю событий с появлением новой идеологии, диктовавшей семьдесят четыре года «правильный взгляд» на них, с весьма резкими переменами «принципиальных» позиций, порой на сто восемьдесят градусов. К сожалению, идеологическая борьба, унаследованная от революции и Гражданской войны, и поныне мешает спокойно рассмотреть важнейшие события и знаковые повороты в советской истории.

Одним из них стало Учредительное собрание как объявленная цель и лозунг практически всех противоборствовавших сил при совершении обоих переворотов — и в феврале, и в октябре 1917 года. Оно, как утверждалось, должно было решить вопрос о государственном устройстве России.

Первая часть настоящей книги посвящена процессу использования и ликвидации этого символического органа, решительно разогнанного большевиками в январе 1918 года.

Во второй части рассмотрены гораздо менее заметные для штатных историков, но кардинальные по значению трансформации, которые претерпевала советская власть в последовавшей борьбе за свое выживание с народом — носителем духа многовековой истории и традиций, которому власть отвела роль послушного и безликого инструмента в осуществлении планов мирового масштаба. Причем планов, от которых руководители страны Советов так и не отказались до окончательной ликвидации СССР как государственного образования.

По сути, эти трансформации внутренней и внешней политики государства «диктатуры пролетариата», затем «социалистического государства», затем страны «развитого социализма» продолжали процесс борьбы за сохранение диктатуры, без вопросов о государственном устройстве, в которых захотело участвовать большинство населения России, выбрав депутатов в Учредительное собрание.

В этой книге нет стандартно-научного построения по схеме доказательства гипотезы, а чаще постулата с привлечением набора точно обрезанных цитат из подходящих источников. Вместо этого для анализа событий читателю впервые предложены в качестве исторической основы пространные, полнокровные материалы и отрывки из многих, в том числе малоизвестных источников — документов, писем, дневников и мемуаров, помогающие ощутить и понять впечатления и чувства людей, логику их восприятия происходившего. Их авторы — активные и пассивные участники событий, наблюдатели изнутри и те, кому довелось посетить страну в эти времена. Складываются живые картины того, что пережили наши предки и мы сами на крутых поворотах истории, без глубокого осознания которых нам не суметь прочувствовать под ногами опору для строительства и укрепления Государства Российского.

ЧАСТЬ 1

ПОДАВЛЯЮЩЕЕ МЕНЬШИНСТВО

Разгон Учредительного собрания:
размышления, документы
и воспоминания современников

Начав дело с конца, все-таки не уйдешь от начала.

А. Ф. Вельтман¹

Считаю советскую власть исторически неизбежным оформлением великого общественно-духовного недуга, назревавшего в России в течение нескольких сот лет².

*Из ответа философа И. А. Ильина
следователю ГПУ*

Введение

Минуло более века с момента события, кардинальным образом изменившего вектор развития русской государственности после падения монархии, — разгона Учредительного собрания.

По понятным причинам в советской историографии оно упоминалось как событие малозначительное, формулой которого стал анекдот: «Караул устал». А между тем этот акт имел колоссальное правовое и политическое значение, и по сию пору осознанное и осмысленное весьма поверхностно.

В предлагаемой книге рассматривается вопрос о двух проектах государственности в России, и в частности вопрос о сути ленинско-

¹ *Вельтман А. Ф.* Приключения, почерпнутые из моря житейского. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. С. 20.

² Просим освободить из тюремного заключения (письма в защиту репрессированных). М.: Современный писатель, 1998. С. 10.

го плана построения коммунизма (уже задним числом получившего эпитет «военный»), который после его провала будет назван Лениным «вынужденной мерой».

Все связанное с созывом и разгоном Учредительного собрания показано в работе через судьбы и действия живых людей с их кровными интересами, убеждениями, страстями, достоинствами и пороками.

В работе использованы давно изъятые из широкого доступа и прочно забытые документы и материалы, относящиеся к событиям 24 и 25 октября 1917 года, 5–9 января 1918 года, а также последующих дней и лет.

Значительное место в книге занимают воспоминания участников тех трагических событий, ставших, по сути, водоразделом в государственном развитии России после Октябрьского переворота.

Автор выражает глубокую благодарность своим друзьям — профессору, д-ру техн. наук Владимиру Борисовичу Баряхнину и Василию Николаевичу Березовскому за неоценимую помощь при написании настоящей книги.

Борис Куркин

* * *

В русском языке слово «разгон» имеет несколько значений, одним из которых является ускорение. В среде специалистов в области ядерной физики бытует выражение: «Реактор пошел в разгон». Процесс обычного «рабочего разгона» мощности неприемлем для реактора «отравленного», в котором накопилось недопустимое количество «отходов» — короткоживущих продуктов деления, в силу чего время контролируемого разгона мгновенно сокращается и начинается ведущая к взрыву неуправляемая цепная реакция деления ядерного материала.

Разгон большевиками столь долго ожидавшегося Учредительного собрания можно уподобить разгону «отравленного» столетиями продуктами духовного разложения реактора, имя которому Россия. Разгон Учредительного собрания привел к ускорению внутривнутриполитического процесса и взрыву — кровавой и колоссальной по своим последствиям Гражданской войне.

Подмена

После Февральского переворота 1917 года стали раздаваться голоса о созыве Земского собора, весьма редкие, впрочем. Примером тому стала брошюрка писателя В. Г. Короленко, попытавшегося растолковать простому русскому люду идею Учредительного собрания. Для пушей наглядности писатель-правозащитник использовал в своей агитке известные термины и исторические аналогии, попутно просвещая народ по части истории подавлявшего свободу царизма и революционно-освободительного движения¹.

Впрочем, идея Земского собора была популярна в среде либеральной интеллигенции и в начале XX века.

18 января 1905 года секретарь и лечащий врач Л. Н. Толстого Д. П. Маковицкий запишет в дневнике слова своего пациента: «Земский собор нужен царю, это его дело»².

Еще одна запись, о сыне Л. Н. Толстого, писателе, публицисте и скульпторе, ставшем вскоре подданным шведского короля: «30 января. Царь принял Льва Львовича и говорил с ним о Земском соборе. Лев Львович, как известно, писал ему о том, что надо бы созвать Земский собор.

Шел разговор о том, что Лев Львович был у царя (полтора часа); предлагал ему созвать Земский собор <...> Царь ответил, что теперь, пока идет война, не время созывать Земский собор»³.

Слухи о том, что Земский собор будет созван, все же получили ограниченное хождение, а граф Л. Н. Толстой даже выразил согласие идти в него от крестьянства⁴. Звучало бы все, конечно, дивно: «От народа — граф Толстой». Однако дело до этого не дошло.

Позже в среде либеральной интеллигенции пошли разговоры о том, что «Россия не удовлетворится Земским собором, а будет тре-

¹ *Короленко В.* Падение царской власти (Речь простым людям о событиях в России). М.: Типография Т-ва «Задруга», 1917.

² *Маковицкий Д. П.* У Толстого. 1904–1910 «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого. Книга первая. 1904–1905. М.: Наука, 1979. С. 139.

³ Там же. С. 156.

⁴ Там же. С. 163.

бовать конституцию». «Тогда, — добавляла собеседница графа баронесса Боде, — анархистам делать будет нечего»¹.

Кстати, либералы весьма опасались, что если большинство в Соборе окажется за крестьянами, то «не удастся проводить западные реформы»².

Земский собор так и не был созван. Вместо него появилась на свет Государственная дума. Она была истеричной, скандальной и разрушительной. Читая отчеты о ее заседаниях, трудно избавиться от ощущения, что это была натуральная сходка буйных пациентов психиатрической лечебницы. Тот, у кого на памяти прямые телевизионные репортажи о заседаниях Съезда Советов СССР 1989 года, может составить себе представление о Первой Думе, не листая журнал «Нива».

Все это происходило в атмосфере усиливавшейся день ото дня и час от часу Смуты. Выдающийся русский художник В. М. Васнецов — глубоко верующий человек, русский патриот и монархист — сообщал в сентябре 1906 года своему близкому другу — писателю И. Л. Щеглову-Леонтьеву: «В деревне прожилось ничего себе, вероятно, оттого, что не каждый день газеты читал. Зато уже день получения газет был всегда днем мученичества! Единственное отрадное извещение газетное — это о роспуске Думы. Это был поистине праздник, и в душе опять зажила надежда! А потом... потом опять мрак и ужас, убийства, грабежи и взрывы!...»³

Никакого Земского собора в традиционном для Руси виде быть уже в России не могло: старая триада «Православие. Самодержавие. Народность» была разрушена, а ее прах развеяли вихри новой Смуты. Упадок веры неминуемо породил представление о православном царе как «первом чиновнике государства», за которым нужен жесткий и неусыпный контроль. И чудодейственным средством такого контроля могла стать, по мысли либералов, лишь «ее величество» конституция. Ее-то теперь либералы и добивались, разом забыв про Земский собор. Собственно, под Земским собором и подразумева-

¹ Там же. С. 170.

² Там же. С. 367.

³ Виктор Васнецов. Письма. Новые материалы [книга-альбом] / авт.-сост. Л. В. Короткина. СПб.: АРС, 2004. С. 209.

лась уже конституция, а не собор всей земли, когда русские люди были объединены православной верой, диктовавшей всем — от мужика до Царя — жесткие императивы поведения. Но такого единения в вере и ценностях в России XX века уже не стало. Либерализм сделал свое дело.

Символично, что последним Земским собором в истории России стал Приамурский земский собор — съезд белых монархистов, прошедший во Владивостоке в июле—августе 1922 года и провозгласивший реставрацию на российском престоле династии Романовых. С претендентом на престол собор не определился. Дело ограничилось тем, что белые силы в Приморье были преобразованы в Земскую рать во главе с земским воеводой генералом М. К. Дитерихсом, объявленным временным диктатором¹.

Свою книгу об убийстве царской семьи генерал заканчивал словами, в которых выразилось его мировоззрение и мироощущение православного человека: «Постепенное, историческое искажение чистых заповедей учения Христа привело к тому, что новая, материалистическая религия личного “Я” могла заглушить в душе людей и деятелей России все прежние святыни и символы религии Единого Бога, подготавливая почву для насаждения в мире безумного царства религии Лжи <...> В силу политических условий, созданных Февральской революцией, революцией не идей, духа и содержания, а революцией форм и персональностей, это служение своему “Я”, постепенно прогрессируя в развитии личных начал, неизбежно повело как отдельных руководителей, так и массу по нисходящим к бездне путям разрушения всего общественного, государственного и национального. Только при господстве этих личных эгоистических начал в массе революция логически должна была привести через кроваво-кошмарные пре-

¹ Дитерихс Михаил Константинович (1874—1937, Китай) — русский военачальник, монархист. Участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. Один из руководителей Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке. Правитель Приамурского земского края в 1922 году. Кладбище в Шанхае, на котором генерала похоронили, было уничтожено во время так называемой культурной революции. Автор книги «Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале». Владивосток: [Тип. воен. академии], 1922.

ступления лета 1918 года к утверждению в России власти, олицетворившей высшую ложь»¹.

Генерал был глубоко верующий человек и умница. Как русский православный он четко сформулировал то, о чем стали писать после него философы и культурологи.

Кредо монархиста ярко выразил все тот же В. М. Васнецов в письме от 2 апреля 1907 года: «Я, как был, так и доселе остаюсь убежденным монархистом на исконных русских началах, т. е. стою за православную веру, за самодержавного неограниченного царя и за великий русский народ и его господство в Русском государстве и к сему подлинному моему “credo” не нахожу нужным прибавлять никакого “constitutio”»².

Не лучше обстояли дела и с третьим членом знаменитой триады — Народностью. «Интеллигентные люди» стыдились выговаривать слово «русский». Уже будучи выброшенным из России, ведущий русский правовед и записной либерал П. И. Новгородцев вспоминал: «Теперь нам кажется совершенно естественным и простым говорить о верховенстве и первенстве русского народа и русской культуры на русской земле и в русском государстве. А между тем так недавно еще — “свежо предание, а верится с трудом” — серьезно обсуждали предложение в официальном обращении к власти заменить слова “русский народ” словами “народы России”, да и сейчас есть организации, которые, не будучи социалистическими, стыдливо скрывают свою принадлежность к русскому народу под чисто географическим обозначением “российский”»³.

И если бы только это!

Слово В. В. Розанову: «У нас нет совсем мечты своей родины, — писал он в 1912 году. — И на голом месте выросла космополитическая мечтательность. <...> У француза — “chère France”⁴, у англичан — “Старая Англия”. У немцев — “наш старый Фриц”.

¹ *Дитерихс М. К.* Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. Владивосток: [Тип. воен. академии], 1922. С. 440–441.

² Виктор Васнецов. Письма. Новые материалы [книга-альбом] / авт.-сост. Л. В. Короткина. СПб.: АРС, 2004. С. 210–211.

³ *Новгородцев П. И.* Об общественном идеале. М.: Правда, 1991. С. 574.

⁴ Дорогая Франция (*фр.*).

Только у прошедшего русскую гимназию и университет — “проклятая Россия”»¹.

В результате патриоты оказывались в своей стране духовными изгоями.

«Я понял, что в России “быть в оппозиции”, — записывает Розанов, — значит любить и уважать Государя, что “быть бунтовщиком” в России — значит пойти и отстоять обедню»².

Ну какой Земский собор мог собраться в России в условиях отсутствия духовного единения, когда евангельские нормы перестали быть категорическим императивом, а в закон возведено человеческое своеволие?

Какой Земский собор Земли Русской мог собраться и решать ее судьбы, если собравшиеся стыдились называть и осознавать себя русскими людьми?

Могла собраться лишь Дума или ее вариант — Учредительное собрание.

И потому не случайно, что отсчет рождения идеи «российской конституанты» либералы и революционисты повели от Смуты 1905 года и требований принятия конституции. Так, меньшевик Ф. И. Дан³ выпустил в 1905 году брошюрку, в которой было озвучено требование скорейшего созыва Учредительного собрания, главной задачей которого должно было стать принятие конституции, которая установит «политическое устройство свободного государства и определит политические права граждан»⁴. Тем самым социалисты отводили Учредительному собранию чисто техническую функцию принятия конституции. При этом, как подчеркивал доктор Гурвич, чтобы «царь в вопросе о конституции вовсе

¹ Розанов В. В. Собр. соч. Т. 30. Листва. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. С. 256.

² Там же. С. 283.

³ Дан Фёдор Ильич (настоящая фамилия Гурвич; 1871–1947, США) — врач по профессии, меньшевик. Зять Ю. О. Мартова (Цедербаума). После Октябрьского переворота работал по специальности. По подавлению Кронштадтского мятежа был арестован и в 1922 году выдворен из страны.

⁴ Дан Ф. И. Всенародное Учредительное собрание. Российская социал-демократическая рабочая партия. [Б. м.]: Типография Центрального Комитета, 1905. С. 5.